

Ф.Н. Глинка

Мои воспоминания о Карамзине

1

В раннем детстве, как запомню себя в нашем смиренном околотке (Смоленской губернии близ города Духовщина), мало читали и, кроме книг духовного содержания, почти не имели других. Календарь, Жизнь Мирмонда (соч. Федора Эмина), Несчастный Неаполитанец и т. под. составляли вечернее чтение многочисленных в околотке дворян, разделявших свое время между хлопотами по хозяйству и наслаждениями самого радушного гостеприимства.

Вдруг появились у нас в доме «Мои безделки». Нам прислали эту книгу из Москвы — и как описать впечатление, произведенное ею? Все бросились к книге и погрузились в нее: читали, читали, перечитывали и наконец почти вытвердили наизусть. От нас пошла книга по всему околотку и возвратилась к нам уже в лепестках. Кто-то сказал: «Лучшая похвала автору, когда книгу его зачитывают до лепестков!» Так и случилось, думаю, повсюду с *первыми* опытами Карамзина. Никто, хоть бы самый рьяный противник Ник. Мих., не станет отрицать громадного влияния его на современное ему общество.

Из первых его сочинений повеяло уже каким-то свежим, живительным, о котором дотоле не имели понятия. В семействах помещиков, живших жизнью обыденною, бесцветною, он пробудил новую жизнь, поднял ряды незнакомых понятий, заговорил языком чувства и получил взамен всеобщее сочувствие. Он как будто дал ключ к самой природе, раскрыв красоты ее утешительные и на нашем севере. Читали его, поняли приятность смотреть на восходящее солнце, на запад, окрашенный угасающими лучами его, любоваться утренним пением птичек (за что позднее упрекали его достойные сами осмеяния насмешники), вслушиваться в шум родных ручьев, дружить с домашнею природою и наслаждаться бесплатными ее дарами, с которыми легче миришься с случайностями жизни, охотнее веришь надеждам и, при ясном настроении души, привольнее поддаешься мечтам, рассыпающим столько золотых блесток на черный бархат жизни.

2

Прочитав первые опыты Карамзина, я поступил в 1-й кадетский корпус и на первом шагу встретился с славою и уже последующими опытами Николая Михайловича. Кадеты и рекреационные часы, и в классах, заслоняясь лавкою, тишком и украдкою читали и вытверживали наизусть музыкальную прозу и стихи, так легко укладывавшиеся в памяти. Смело могу сказать, что из 1200 кадет редкий не повторял наизусть какой-нибудь страницы из «Острова Борнгольма». И это уважение, эта любовь к Карамзину доходила до того, что во многих кадетских кружках любимым разговором и лучшим желанием было: «Как бы пойти пешком в Москву поклониться Карамзину!»

3

Из северной столицы (по выпуске из корпуса) уехал я в полк, в теплую, цветущую Волынь. И там в кругу романтических полек встретил я громкую известность Карамзина и его «Бедную Лизу», кем-то переведенную на польский язык; и там молодые офицеры с гитарами в руках и часто с томными вздохами напевали: «Кто мог любить так страстно, как я любил тебя!»

4

Тотчас по возвращении наших армий из Парижа в С.-Петербург услышал я, что Николай Михайлович начал писать Историю России, и, не будучи еще знаком с ним лично, послал к нему несколько приобретенных мною *польских хроник*. В ответ получил я от него очень ласковое письмо, которое доселе храню за стеклом.

5

По прибытии Н.М. в Петербург (уже с первыми томами Истории) я познакомился с ним лично. Это была важная для него эпоха! Все надежды, может быть, и мечты его сосредоточились в этом кратком, но томительном периоде *ожидания*: «Как будет принята и оценена и в каком виде пропущена в печать его История?» В это время я был полковником гвардии, состоял при гвардейском штабе и был издателем «Военного журнала». Поэтому у меня было очень много знакомых — сослуживцев бивачных по штабам, и к тому присоединялись знакомства (по обстоятельствам весьма близкие) с лицами, стоявшими тогда во главе Управления. Кроме гр. Милорадовича, у которого я был ежедневным, я часто бывал у Паскевича, Чернышева, кн. А.Н. Голицына. У Николая же Семеновича Мордвинова и А.С. Шишкова я был как домашний человек; даже имел доступ к недоступному тогда графу Аракчееву.

Если добавить к этому членов литературного общества <...>, которого я был председателем, а Гнедич вице-президентом, то легко понять, что мне доводилось иметь обширное знакомство в разных слоях общества. Я говорю об этом потому, что тогда мне сподручно было *видеть* и слышать все приемы и *суждения* насчет Истории Российского Государства и судьбы, ожидавшей ее в С.-Петербурге.

6

Н.М. имел привычку — и привычку неизменную, ходить (для здоровья) много, долго и во всякую погоду. Обыкновенно приходилось ему проходить мимо нашего Штаба, и я, завидя его в известный час, выбегал к нему навстречу, и у нас бывали разговоры любопытные *по тому времени*. Я сообщал ему взгляды разных партий и значительных единиц на его Историю, о которой всякий судил по-своему и то по слуху! Об ином Н.М. уже слышал и знал; о другом догадывался; а некоторые вещи были для него еще новы. Уже обе государыни были на стороне Карамзина, многие влиятельные особы стояли за него: но все чего-то недоставало. Полагали и, кажется, не ошибались, что Н. М-чу следовало сделать визит Аракчееву. Он исполнил эту процедуру, и на третий же, если не на другой день Истории Р. Г. разрешено появиться в свет.

7

Наконец, История Российского Государства принята, понята, пропущена в свет, и автор получил награду и приглашение ко двору. Раз зашел я к Н. М-чу с Гречем. Мы застали его в хлопотах по туалетной части: он по особенному зазыву собирался на парадный обед во дворец. Он уже совсем был готов, как вошел Ал. Тургенев и, увидя на шее его огромный Владимирский крест, объявил, что с ним нельзя показаться на парадный обед, что никто уже не носит теперь таких крестов, потому что по новой форме положено носить маленькие крестики. Что тут было делать? Н. М-ч нашелся в затруднении. Тогда я снял у себя и предложил мой маленький, очень изящно отделанный Владимирский крестик. Николай Михайлович принял, благодарил и, сняв с шеи свой огромный крест, подал мне, сказав с любовью и ласкою: «Примите моего старого товарища, с которым я свыкся: по заветному русскому обычаю обменяемся крестами, и отныне мы будем крестовыми братьями». Он и доказал это на деле. Раз Ал. Тургенев, приехав из Павловска, сказал мне: «Я сегодня обедал с Карамзиным у императрицы,

и когда она завела речь о Письмах русского офицера, то он говорил об вас с таким чувством и жаром, что не всякий брат так отзовется о брате

10

Я спросил еще его: откуда взяли вы, Николай Михайлович, такой чудесный слог? Он отвечал: «Из камина!» — «Как из камина?!» — «А так: я переводил одно и то же раз, два и три раза и, прочитав и обдумав, бросал в камин, пока наконец доходил до того, что мог издать в свет».

11

А вот черта находчивости Карамзина. Перед войною 1807-го года при вызове народного ополчения (милиции) издан был краткий манифест, из которого явно выглядывал «Наполеон-антихрист». Народ так и не понял и принял его за *сына погибели*. После несчастного Фридландского сражения довелось Карамзину ехать из Москвы в С.-Петербург, и вот (он имел привычку, завидя станцию, отпускать лошадей вперед, чтобы пройти пешком), когда он подходил к станции Яжелбич, собравшаяся у станции толпа крестьян обратила его внимание. Из толпы выходили шум, крики и даже угрозы. Станционный смотритель держал в руке газету и разъяснял по-своему известие из-за границы. «О чем это шумите, ребята?» — спросил Карамзин. «Да как же, батюшка! — отвечал один из более речистых. — Царь наш, видишь, помирился с Наполеоном, а он ведь (сказано было) *антихрист!!!*» — «Эх, вы, братцы! — возразил Карамзин. — Да разве не прочли в газете, что дело-то было *на воде*; мир заключен посреди реки: вот царь прежде окрестил его, а там уж помирился!» — «Ой ли так? — закричали крестьяне. — Ну, слава Богу!» — и, сняв шапки, крестились и весело разошлись по домам <...>

14

<...> В 1826 году поехал я (тогда еще считалось это диковинкой) на пароходе «Берта» в Петергоф на известный *праздник*. Пароход не был еще как нынешние; качка заставила меня выйти на палубу. Оттуда, еще издалека, увидел я на берегу, выше кипевшей внизу толпы, человека величавого, стоявшего неподвижно и спокойно смотревшего на *заходящее* солнце, позлатившее небо и залив, утихший после волнения. Сойдя с парохода и пробравшись сквозь толпы суетившегося народа, я очутился лицом к лицу с Карамзиным. «Что вас вызвало сюда, Николай Михайлович?» — спросил я. Он отвечал: «Я всякий вечер прихожу сюда смотреть на заходящее солнце».

Но петергофское солнце заходило, а солнце его славы все более и более разгоралось: известно, как с той поры оценен был он Отечеством.